

помъ поручается Дивизионному Квартирмейстеру Кавказской Резервной Гренадерской бригады Генерального Штаба полковнику Фрейману, съ тѣмъ, чтобы онъ теперь же принялъ этотъ баталіонъ во всемъ на законномъ основаніи, впредь до утвержденія его командиромъ онаго Высочайшимъ приказомъ, о чемъ сдѣлано представленіе Г. Военному Министру.

«О чемъ объявляю по Высочайшимъ вѣреннымъ мнѣ войскамъ.»

Подлинный подписалъ Главнокомандующій, Генералъ-Адъютантъ Муравьевъ.

— Нахичеванскій почтмейстеръ, коллежскій Ассесоръ Алексеевъ, движимый чувствомъ любви и преданности къ Престолу, пожертвовалъ на военныя издержки изъ жалованья своего *девятнадцать голландскихъ червонцевъ*.

— Ученики Нухинскаго Уѣзднаго Училища, пользуясь свободой во время лѣтнихъ, настоящаго года, вакацій, и желая употребить эту свободу на пользу храбрыхъ воиновъ нашихъ, приготовили *четырнадцать и три четверти фунта кори и двадцать пять штукъ компрессовъ*, которые пожертвовали для дѣйствующаго въ Крыму отряда.

— Старшій аптекарскій ученикъ Елисаветопольскаго военнаго Госпиталя Филипъ Ивановъ, пожертвовалъ *двадцать четыре руб.* на потребности настоящей войны.

— 25-го октября выступила изъ Тифлиса въ г. Гори батарея № 2 батарея 13-й бригады, въ числѣ 7-ми штабъ и оберъ-офицеровъ, и 206 человекъ нижнихъ чиновъ, подъ командою подполковника Ольшевскаго.

Извѣстія изъ Азіатской Турціи.

(Письма корреспондента газеты «Кавказъ».)

XXXII.

18 го октября. Лагерь при сел. Чинглик-гал.

12-го числа сего мѣсяца всадники Карабахской милиціи, подъ командою Ами-бека Мехминдарова, отбили изъ-подъ карескихъ батарей 55 турецкихъ лошадей и захватили оружіе, брошенное въ бѣгъ

завоиля она страшнымъ голосомъ. Когда же увидѣла трупъ сына, сердце ея затрепетало и остановилось, какъ въ послѣднюю минуту жизни; лице покрылось смертною блѣдностью, неподвижные глаза приняли страшное выраженіе, ноги подкосились; пораженная мать, повалившись на землю, разметалась по ней въ судорожныхъ движеніяхъ...

Печальная вѣсть быстро перешла отъ сакля къ саклѣ и вскорѣ весь аулъ раздѣлялъ горе семейства, постигнутаго бѣдствіемъ. По дорогамъ раздавались печальныя возгласы женщинъ, слышавшихъ въ домъ Солимана; молча и въ раздумьи собирались къ нему старики; молодые же люди, захвативъ съ собою оружіе, торопились туда—кто верхомъ, кто пѣшкомъ. Надъ ауломъ, высоко въ воздухѣ, вились горныя коршуны, чужъ присутствіе труповъ...

И не удивительно, что цѣлый аулъ пришелъ въ движеніе: Солиманъ былъ любимъ и уважаемъ всеми. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, еще оставшимся въ живыхъ, старикамъ, которые нѣкогда вышли изъ Кабарды съ княземъ Бекевичемъ и основали Новый-Юртъ. Онъ жилъ со всеми въ мирѣ и благочестіи и былъ надѣленъ всеми земными благами: его окружали пятеро сыновей, цвѣтущихъ силой и здоровьемъ, какъ пять зеленыхъ, полныхъ жизни отростковъ окружають старое дерево. Но третій изъ этихъ отростковъ нынѣ отсѣченъ злыми людьми; слезы оросили землю, видѣвшую его рожденіе, и рыданія потресали воздухъ его родины...

Тутъ не слышно было словъ въ утѣшеніе безутѣшной матери: окружавшія ее женщины плѣли навзрыдъ, пронзительными и потрескающими душу и сердце голосами, разныя пѣсни, въ которыхъ воспоминались отличныя качества и благородныя поступки обоихъ убитыхъ, и ночь была свидѣтельницей торжественныхъ обѣтовъ женщинъ: не предаваться никакой радости, пока мужчины не прольютъ кровь за кровь.

Солиманъ и окружавшіе его старики стояли безмолвно у входа въ саклю, съ потупленными въ землю глазами, слушали жалобныя пѣсни и обѣты женщинъ и, держа правую руку на груди, повторяли: да будетъ такъ! Собравшіяся во дворъ молодые люди, подобно горному отголоску, повторяли за ними тоже самое.

Противъ Новаго Юрта, на правомъ берегу Терека расположена Червленняя станица, гдѣ находилась штабъ-квартира

Гребенскаго казачьяго полка, которымъ я командовалъ.

Разъ, въ превосходное осеннее утро, возвратился я домой послѣ одной изъ тѣхъ тягостныхъ, бесполезныхъ ночныхъ тревогъ, которыя, въ этой странѣ всего непредвидѣннаго и внезапнаго, столько же обыкновенны, какъ и опасны.

Раздѣвшись и облачившись по домашнему, я подошелъ къ окну и сталъ наблюдать, какъ проваживали по дорогѣ лошадей, до такой степени разгораченныхъ быстротою вѣды, что отъ нихъ, какъ отъ кипящей воды, валилъ густой паръ... Какъ вдругъ является ко мнѣ Солиманъ, съ тѣмъ важнымъ видомъ, въ томъ же самомъ папахѣ и въ томъ же полушубкѣ, которые всегда были съ нимъ нераздѣльны; только лицо его было блѣднѣе и худощавѣе обыкновеннаго. Я уважалъ этого добродушнаго и откровеннаго старика, охотно помогалъ ему, въ чемъ могъ, и любилъ съ нимъ бесѣдовать о настоящемъ и прошедшемъ бытѣ его двоюродныхъ племянниковъ; онъ много видѣлъ, много испыталъ и сужденія его были здравы и убѣдительны. Но съ тѣхъ поръ, какъ постигло его несчастіе, мы не видѣлись. Съ неприкрытымъ участіемъ пожалъ я теперь его жесткую руку; другой рукою онъ приподнял немножко свой папахъ въ знакъ поклона. Я не упустилъ случая сдѣлать ему дружеское замѣчаніе за то, что онъ давненько не посѣщалъ меня. На это Солиманъ отвѣчалъ, что былъ очень занятъ, а что теперь пришелъ ко мнѣ *думать* (старикъ плохо обяснялся по-русски и вмѣсто слова *совѣтоваться*, употреблялъ слово думать.) Послѣ этого онъ осмотрѣлся кругомъ, какъ будто желая говорить со мною безъ свидѣтелей. Два молодые казака, бывшіе въ комнатѣ, вышли вонъ по данному имъ мною знаку, и мы остались наединѣ съ Солиманомъ.

— О чемъ же ты пришелъ ко мнѣ *думать*? спросилъ я старика.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, чтобы подавить вздохъ, стремившійся наружу, старикъ медленно, но твердо началъ разговоръ:

— Ты знаешь несчастіе, которое постигло мой домъ?

Я увѣрилъ его въ моемъ сердечномъ къ нему участіи.

— Благодарю, сказалъ онъ. По нашему закону я долженъ отомстить кровью за кровь; но я не знаю вашихъ законовъ, и потому я пришелъ спросить тебя, не осудятъ ли меня начальники ваши, которые живутъ въ Грозной, если я буду дѣйствовать по нашимъ законамъ.

— Я увѣрилъ его въ моемъ сердечномъ къ нему участіи.

— Благодарю, сказалъ онъ. По нашему закону я долженъ отомстить кровью за кровь; но я не знаю вашихъ законовъ, и потому я пришелъ спросить тебя, не осудятъ ли меня начальники ваши, которые живутъ въ Грозной, если я буду дѣйствовать по нашимъ законамъ.

Курдовъ; войска наши сильно наказали ихъ за хищничество, разсылавъ кочевьямъ зажитившаго скота.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ. (N. P. Z.)

По телеграфической депешѣ изъ Лондона отъ 15-го октября, тамъ получено извѣстіе, что генералъ сэръ Колинъ Кампбелъ отправился въ Евпаторію съ пѣхотою и артиллеріею.

— (J. de St.-P.) Въ Times пишутъ отъ 29-го сентября изъ лагеря на Черной рѣчкѣ:

«Взятіе Малаховой башни изумило Русскихъ и вынудило ихъ ускорить очищеніемъ южной части Севастополя, на которое они давно уже рѣшились. Но удаленіе ихъ изъ этой части города изумило въ свою очередь союзниковъ, которые не были готовы сколько нибудь воспользоваться имъ. Двѣнадцати-мѣсячныя осады дѣйствія союзниковъ на тѣсномъ пространствѣ десяти квадратныхъ англійскихъ миль, въ странѣ, куда все пособія доставлялись имъ только моремъ, имѣли чрезвычайно дурное вліяніе на ихъ дѣятельность, а воспоминаніе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ прошлою зимою, довело ихъ до такой нерѣшительности, что они колеблются подвинуться далѣе на этомъ негостепріимномъ полуостровѣ, опасаясь удалиться отъ морскаго берега, гдѣ скоплены все пособія, на которыя они только и могутъ полагаться. При томъ, недостатокъ единства въ командованіи ощущается съ большею силою теперь, когда настало время дѣйствовать наступательно, въ открытомъ полѣ. До тѣхъ поръ, пока дѣло шло о вопросахъ второстепенныхъ, пока въ виду имѣлась только одна цѣль, этотъ недостатокъ единачнаго начальника, не смотря на весь вредъ, имъ причиняемый, не могъ еще быть вполне чувствуемъ. Но не то теперь, когда генераламъ пришлось обсуждать самыя важныя вопросы. Должно ли двинуться впередъ? Не поздно ли нынѣшнимъ годомъ? Отступать ли Русскіе, или стануть защищать сѣверныя возвышенности и весь Крымъ? Есть и еще другіе, второстепенныя вопросы, которымъ несогласіе генераловъ придаетъ очень много важности.

Я не могъ скрыть улыбки, вызванной у меня этимъ навѣрнымъ вопросомъ; но это самое дало мнѣ возможность скорѣе убѣдить старика на счетъ его безответственности.

— Хорошо! Я объ этомъ только и хотѣлъ знать, — сказалъ онъ, — но теперь еще одна просьба: можешь ли ты дать мнѣ стволъ и замокъ отъ солдатскаго ружья?

Я спросилъ, почему онъ предпочитаетъ наше ружье своему національному?

— Вотъ почему, — сказалъ онъ, — нашъ стволъ очень узокъ, и въ него входитъ одна небольшая пуля, которая чаще ранитъ, нежели убиваетъ; а во время дождя пороха на полкѣ сырѣетъ и производитъ осыпки. Солдатское же ружье я могу зарядить двумя пулями, да прибавить еще и картечи, и если у него исправенъ кремль, то осыпки случиться не можетъ, а потому и выстрѣлъ будетъ вѣрнѣе.

Хотя я очень хорошо былъ знакомъ съ образомъ мыслей и поступковъ моего пріятели, однако все-таки мнѣ казалось какъ-то странно и неловко содѣйствовать кому-бы то ни было въ систематически-обдуманномъ убійствѣ. Поэтому я замедлил прямыми отвѣтомъ на просьбу Солимана и, въ свою очередь, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Значитъ, убійцы тебѣ ужъ известны?

Губы старика судорожно задрожали.

— Еще-бы! Конечно известны! Ихъ четверо и все они изъ Шали-Гачимъ-Барса.

— Но какъ же ты розыскалъ ихъ?

— Они сами возвратили мнѣ похищенныхъ быковъ и просили забыть это дѣло, такъ-какъ, по ихъ увѣренію, они совершили убійство единственно по ошибкѣ и готовы удовлетворить наше семейство по приговору шаріата.

— Ну вотъ и прекрасно! И ты согласился?

— Г-мъ! Нѣтъ, я отвѣчалъ имъ, что у меня денегъ и скота много, что я не продаю крови моихъ дѣтей и родственниковъ, и не знаю ей другой цѣны, кромѣ той: «око за око и зубъ за зубъ!»

— Ты поступилъ, какъ истинный мусульманинъ и горецъ; но скажи мнѣ пожалуста, вѣдь разбойниковъ было четверо, а твой сынъ и братъ убиты только двумя пулями? Какъ-же ты могъ узнать, кто изъ четырехъ виновныхъ выстрѣлилъ по нимъ?

— Я знаю навѣрно кто. Дѣло вотъ какъ было: четыре злодѣя, замѣтивъ, что Мургузь-Али и Булахъ-ханъ идутъ

Нельзя еще рѣшить, чье мѣсто возьметъ верхъ, потому что движенія союзниковъ еще не выяснились, и они находятся почти на тѣхъ же позиціяхъ, на которыхъ стояли до взятія Севастополя... При томъ дороги, ведущія изъ Байдарской долины къ сѣверу, зимою и послѣ сильныхъ дождей становятся непроходимы. А потому Французы, со свойственною имъ предусмотрительностью, въ одно и то же время, и подвигаются впередъ и проводятъ военныя дороги.

«Каждого, изучившаго окрестности Севастополя, поражаютъ чрезвычайныя выгоды, представляемыя ими для оборонительнаго образа дѣйствій. На каждомъ шагѣ встрѣчаются крѣпкія позиціи и Русскимъ остается только пользоваться ими. Это естественная крѣпость, которой средоточіе представляютъ Бахчисарай; это цѣлая цѣпь ушей и плоскихъ возвышенностей, замкнутая рѣками Черною, Бельбекомъ и Качею, которыя всѣ текутъ въ море. За исключеніемъ дороги изъ Ахтіара въ Макензи, всѣ прочія дороги тянутся по теченію рѣкъ, и на нихъ-то Русскіе, какъ кажется, устроили свою оборонительную линію. Это видно изъ того, что при малѣйшемъ движеніи нашемъ ихъ передовыя посты и пакеты отступаютъ за эти рѣки. Мы перешли за Черную рѣчку, заняли Шулю, посмотрѣли мимоходомъ на Айтодоръ, стоимъ теперь на Байдарскихъ высотахъ, и нигдѣ не встрѣтили сопротивленія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что занятіе нами Байдарскаго перевала есть только первый шагъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.»

(N. Pr. Z.) Изъ Азіятской Турціи. Лордъ Редклиффъ препроводилъ въ Лондонъ телеграфическую депешу, съ извѣстіемъ объ отбитіи карскаго гарнизона 29-го сентября. Потеря Турокъ опредѣлена въ этой депешѣ только въ 700 человѣкъ убитыми и ранеными; но извѣстно, какъ ненадежны реляціи, получаемыя чрезъ Константинополь.

Франція. (Ind. V.) Изъ Парижа пишутъ отъ 13-го октября:

«Въ письмахъ изъ Марсели говорятъ съ изумленіемъ о чрезвычайномъ множествѣ войскъ, отсы-

лаемыхъ изъ этого города въ Крымъ. Но не должно забывать, что войска эти отправляются для смѣны солдатъ, которымъ вышелъ срокъ службы и которые возвратятся во Францію.

«Сверхъ того считаютъ, что число раненыхъ и больныхъ Французовъ, лежащихъ въ константинопольскихъ госпиталяхъ, или привезенныхъ обратно во Францію, простирается до 20.000. А потому можно сказать съ увѣренностью, что всѣ эти подкрѣпленія нисколько не увеличатъ армію, а только пополнятъ ее до прежняго состава.

«Хотя, къ сожалѣнію, нѣтъ еще надежды на скорое заключеніе мира, однакожь могу сказать, что въ некоторыхъ высшихъ слояхъ общества было произнесено недавно нѣсколько словъ, подающихъ поводъ думать, что примиреніе возможно. И въ другихъ государствахъ распространяются такія же желанія; все, наконецъ, свидѣтельствуемъ, что миръ сдѣлался общею потребностью; но, повторяю, что потребность эта, вѣроятно, не скоро еще превозможетъ силу обстоятельствъ, и необходимость поддержать военную честь двухъ великихъ націй.»

Австрія. (J. de S.-P.) Одинъ изъ вѣнскихъ корреспондентовъ Аугсбургской Газеты старается доказать, что въ слѣдствіе трактатовъ, которыми Австрія обязалась содѣйствовать западнымъ державамъ въ достиженіи цѣли, преслѣдуемой ими, австрийскій кабинетъ не можетъ принять на себя посредничества между воюющими сторонами, и что роль эта прилична единственно Пруссіи, которая до сихъ поръ держалась совершенно въ сторонѣ.

— (Allg. Z.) Изъ Вѣны пишутъ, отъ 8-го октября, что Россійскій посланникъ, князь Горчаковъ, имѣлъ на дняхъ нѣсколько разъ свиданіе съ графомъ Буолемъ, барономъ Прокешемъ и графомъ Коллоредо, австрийскимъ посланникомъ при сень-джемскомъ кабинетѣ.

— (J. de St.-P.) Въ Zeit извѣщаютъ, что австрийскій посланникъ при Императорско-Россійскомъ дворѣ, графъ Валентинъ Эстергази, немедленно по возвращеніи Австрийскаго Императора изъ Исла, отправится къ своему посту, въ С.-петербургъ.

Тутъ было вліяніе его религіи, а исполнять ее велѣнія онъ считалъ долгомъ ненарушимымъ, святымъ и богоугоднымъ. Поэтому-то я не обвинялъ Солимана; не обвинялъ и себя въ томъ, что не могъ воспрепятствовать его намѣреніямъ...

Вечеръ, послѣдовавшій за утреннимъ моимъ свиданіемъ съ Солиманомъ, былъ какъ-то мраченъ. Густыя массы облаковъ, быстро гонимыхъ вѣтромъ, смѣнялись одиными другими, а молодой мѣсяць, подобно челноку, плавающему по морю во время бури, то нырялъ въ ихъ глубины, то выплывалъ на поверхность, проливая тусклый свѣтъ на землю. Мертвая тишина, нарушаемая только шумомъ Терека да воемъ шакала, увеличивали мрачность вечера. Пользуясь его темнотою, какой-то человѣкъ, закутанный въ бурку, тихо пробирался къ кладбищу. Подойдя къ первому памятнику, онъ присѣлъ на корточки и сталъ прислушиваться и всматриваться, какъ будто стараясь замѣтить чей-то силуэтъ на темномъ фонѣ неба; потомъ приложивъ палецъ къ губамъ, онъ проваительно свистнулъ два раза. Ему отвѣчали такимъ-же свистомъ изъ-за высокаго памятника, стоявшаго въ отвѣсномъ положеніи; вслѣдъ за тѣмъ, подобно мертвецу, вставшему изъ гроба, поднялся изъ-за памятника другая темная фигура; обѣ онѣ стали подвигаться на встрѣчу другъ къ другу; но, въ нѣсколькихъ шагахъ одна отъ другой, остановились.

— Домбай? спросилъ Солиманъ (это былъ онъ) едва слышнымъ голосомъ.

— Я,—отвѣчалъ другой.

Послѣ этого ночные собесѣдники сблизились и опять присѣли на корточки близь памятника, покрывъ его своими бурками, которыхъ черный цвѣтъ совершенно сливался съ темнотою ночи.

— Ну, Домбай, сказала Солиманъ, стараясь говорить какъ можно тише,—каково идетъ наше дѣло?

— Пока еще хорошо,—отвѣчалъ Домбай,—я видѣлся съ нимъ сегодня и уговорилъ его отправиться со мною въ Шедринъ, чтобы оттуда угнать лошадей, что днемъ и ночью пасутся на степи. Утромъ рано ѣздили мы на гору, къ горячимъ ключамъ, и онъ, въ свою краденую зрительную трубку, видѣлъ этихъ лошадей. Ему, какъ видно, хочется завладѣть ими какъ можно скорѣе; только онъ еще не вполне мнѣ довѣряетъ, и потому я не хочу слышать, чтобы не испортили дѣла; не хочу и слишкомъ увлѣчь его,

Испанія. (Ind. V.) Мадридъ, октября 13-ю (по телеграфу). Во вчерашнемъ засѣданіи Кортесы занимались сужденіями о конститціи; но послѣ перешли къ разсмотрѣнію проекта закона о доведеніи въ 1856 году арміи до 70,000 человѣкъ. Этотъ проектъ принятъ.

Турція. Пишутъ изъ Варны въ Journal de Constantinople:

Въ письмахъ изъ Галаца извѣщаютъ, что въ австрийскомъ войскѣ замѣчено нѣкоторое движеніе. Вся кавалерія собралась въ Романо, гдѣ фельдмаршалъ Шликъ будетъ дѣлать ей смотръ. Въ Яссахъ осталось только тысяча человекъ Австрийцевъ: всѣ прочія войска находятся въ пограничныхъ округахъ. Въ Галацъ также оставленъ только 2,000-ый гарнизонъ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА СУДЬБУ

ГОРОДА АНИ.

(Статья Н. И. Иванова.)

(Продолженіе.)

Спустя послѣ этого годъ, на мѣсто Язитага посланъ былъ губернаторомъ любимецъ императора Каменскъ, человекъ гордый и неспособный для занятія подобнаго мѣста. Онъ хотѣлъ силою приучить Армякъ къ послушанію и заставить ихъ признать себя неограниченнымъ повелителемъ. Народъ взволновался. Каменскъ, думая, что возмущеніе происходитъ отъ патриарха Петра, началъ жестоко тѣснить его и послалъ императору доносъ. Бѣдный первосвященникъ долженъ былъ оставить въ 1047 году Ани, поручивъ управленіе патриаршескаго престола племяннику своему Хачику, извѣстному также подъ именемъ Хачадура; но чрезъ нѣсколько времени, Каменскъ, имѣя отъ императора секретное приказаніе угнетать главныхъ наставниковъ Армянской Церкви, которую думалъ соединить съ Греческою, заставилъ также и Хачика покинуть свою резиденцію. Патриаршескій престолъ, оставшійся незанятымъ, Каменскъ хотѣлъ продать кому нибудь за деньги. Этотъ поступокъ произвелъ новое возмущеніе, какъ въ Ани, такъ и во всей Арменіи, заставившее анійскаго губернатора просить помощи и совѣтовъ у своего повелителя. Императоръ, страшась нападеній со стороны Турокъ-Сельджуковъ, а чтобы положить конецъ беспорядкамъ, вызвалъ Хачика въ Константинополь и, обласкавъ его, отпустилъ съ почестями въ

чтобы не возбудить подозрѣнія. Лучше подождемъ нѣсколько дней. Иначе дѣло можетъ принять дурной оборотъ. Еще камни слишкомъ свѣжы и онъ смотритъ подозрительно на всякое дерево, на всякій кустъ, которые попадаютъ ему на дорогѣ, и на всякаго человека, который съ нимъ встрѣчается. Надо подождать, пока поостынеетъ подозрительность.

Старый Солиманъ потерялъ себѣ добъ и сказалъ:

— Все это очень дѣльно, а потому будь съ нимъ очень остороженъ; онъ и его сообщники кровожадны какъ волки и коварны какъ лисички. Ты не долженъ болѣе приходить ко мнѣ, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ насъ вмѣстѣ; тогда трудъ нашъ будетъ напрасенъ; лучше теперь же уловимся, какъ намъ дѣйствовать.

— Хорошо; такъ слушай-же: Во вторую ночь полнолуія, когда взойдетъ мѣсяць, ты долженъ спрятаться у брода на Сунахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она, недалеко отъ Умаханъ-Юрга, впадаетъ въ Гудесмекъ. Когда въ Брагунахъ запоютъ первые вѣтхи, я приду съ нимъ верхомъ къ этому броду, а когда мы станемъ переправляться черезъ рѣчку, я буду отъ тебя по лѣвую сторону.

— Такъ; но въѣдъ по ночамъ ѣздятъ многіе, я мудро различать людей по башлыкѣ и буркѣ. Поэтому ты долженъ подать мнѣ какой-нибудь условный знакъ. Проговори, когда ты будешь на среднѣхъ рѣки, кабаринское слово: пси; тогда я тотчасъ узнаю, какой вѣпръ идетъ на мое дуло.

— Хорошо. Только еще одно условіе. Если я не приду во вторую ночь полнолуія, то ты ожидай меня въ третью, четвертую, и до тѣхъ поръ, пока я самъ тебѣ не скажу, чтобы ты не приходишь болѣе.

Тутъ собесѣдники привстали съ своихъ мѣстъ.

— Прощай, Домбай, сказалъ Солиманъ, а на тебя вполнѣ надѣюсь. Гдѣ-же твои лошади?

— Вотъ тамъ, у дерева.

И они разошлись, каждый въ свою сторону.

Только Домбай повхалъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ онъ могъ быть увѣренъ, что его никто не замѣтитъ.

(Продолженіе въ слѣд. №)

